

# Сравнительный анализ юридической природы Международного уголовного суда и трибуналов *ad hoc*

*Махниборода И.М.\**

Несмотря на то, что к началу XX века теоретические разработки по поводу создания международного уголовного суда длились не одно десятилетие, реальное воплощение они получили только после окончания Второй мировой войны.

В 1945 г. были образованы Нюрнбергский и Токийский трибуналы. Организация, процесс, компетенция и другие аспекты их деятельности подробно описаны в литературе. Важно только отметить, что принципы, выработанные трибуналами, стали основополагающими для последующего международного судопроизводства и дали импульс к постановке вопроса о возможности разработки Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Однако после прекращения деятельности трибуналов работа по созданию международного уголовного суда перешла в плоскость теоретических дискуссий. И должно было пройти более 40 лет, для того чтобы международное сообщество «решилось» не мириться с серьезными нарушениями МГП, а создать органы для привлечения международных преступников к ответственности. Речь идет об учреждении трибуналов *ad hoc* по Югославии и Руанде, в литературе это называют прорывом в деле создания Международного уголовного суда (МУС)<sup>1</sup>.

Такие суды, безусловно, являются важным шагом на пути создания постоянного органа международной уголовной юстиции, но можно ли говорить о том, что они являются удачным решением проблемы преследования международных преступников? Важным представляется вопрос о том, являются ли подобные судебные учреждения только временной мерой или они могут выступать в качестве альтернативы МУС. Для того чтобы показать исключительное значение МУС, учрежден-

---

\* Махниборода Инна Михайловна – студентка юридического факультета Ростовского государственного университета, второй призер Конкурса студенческих и аспирантских работ по международному гуманитарному праву 2004 г.

<sup>1</sup> Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 109.

ного в результате Римской конференции 1998 г., и проблемы, которые помогает решить его создание, полезно сделать сравнительный анализ двух названных трибуналов и суда.

Правовой основой для создания трибуналов по Югославии и Руанде были резолюции Совета Безопасности 827 от 25 мая 1993 года и 955 от 8 ноября 1994 года. Следует заключить, что оба трибунала *ad hoc* были созданы на основе решения международной организации, а не на основе заключения международного договора, что вызвало много дискуссий. Так, например, встал вопрос о том, компетентен ли СБ создавать такого рода судебные органы, поскольку в Уставе ООН в прямой форме подобные полномочия ему не предоставляются. СБ ООН ссылался на гл. VII Устава ООН, которая предоставляет ему полномочия по принятию мер для восстановления международного мира и безопасности. Некоторыми юристами данному положению дается расширительное толкование, что может послужить основанием для подтверждения концепции подразумеваемой компетенции. При этом многие специалисты в области МГП считают, что данные решения Совета Безопасности являются полностью правомерными и вынесены в рамках предоставленных ему полномочий<sup>2</sup>.

Члены Апелляционной камеры Международного уголовного трибунала (МУТ) по бывшей Югославии практически не сомневались в законности его создания; не возражая против того, что СБ не является судебным органом, они сочли, что он мог учредить этот трибунал как орган, предназначенный помогать ему выполнять его основную функцию – поддержание мира и безопасности. Другие специалисты оправдывают это тем, что ведь ГА ООН также не обладает судебными полномочиями, и на нее не были возложены военные функции, но это не помешало ей создать чрезвычайные вооруженные силы ООН и административный трибунал ООН<sup>3</sup>.

По поводу того, что Трибунал по бывшей Югославии сам рассмотрел вопрос о законности его создания и дал положительный ответ, Президент Международного Суда ООН Гийом (Франция), заметил

<sup>2</sup> Герард Эрамус, Надин Фури. Международный уголовный трибунал по Руанде. Всем ли проблемам уделяется внимание? Сходство и различие с Южноафриканской комиссией по установлению истины и примирению // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 19. С. 820; Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 110; Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 563 и др.

<sup>3</sup> См.: Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 563.

в своем выступлении в Шестом Комитете ГА ООН 27 октября 2000 г.: «Трудно предположить, однако, как Трибунал мог бы дать отрицательный ответ на этот вопрос, подписав тем самым смертный приговор самому себе. В этой связи мы должны спросить себя, не было бы более целесообразным Трибуналу попросить СБ запросить по этому вопросу консультативное заключение Международного Суда – главного судебного органа ООН»<sup>4</sup>. Но, как известно, этого сделано не было.

Учитывая все положительные моменты создания и деятельности трибуналов *ad hoc*, нельзя не отметить наличие избирательного подхода к их образованию. Следует иметь в виду, что военные столкновения происходили во многих точках земного шара и, безусловно, сопровождалась серьезными нарушениями Женевских конвенций 1949 г. Эти конфликты не только не озаменовались учреждением трибуналов, они даже должным образом не освещались в СМИ. Бесспорно, что отсутствие такого сдерживающего фактора, как индивидуальная ответственность, может уменьшить эффективность действия норм МГП.

В отличие от предыдущих международных судебных органов, правовой основой функционирования МУС является многосторонний универсальный международный договор. Его заключение сопровождалось большими трудностями<sup>5</sup>. Так, еще в 1982 г. Комиссия Международного права заявила о необходимости создания органа международной уголовной юстиции, после того как она, по просьбе ГА ООН, возобновила свою работу над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Однако проект Устава (Статута) МУС был представлен только в 1994 г., а принят государствами в 1998 г. на Римской конференции, которая явилась важным этапом в развитии международного права. Безусловно, создание постоянного международного уголовного суда на основе универсального договора должно способствовать прекращению дискуссии о правовой основе деятельности международного судебного учреждения. Кроме того, Статут МУС оказал огромное влияние на многие институты международного права. В подтверждение этому в западной доктрине была высказана мысль, что хотя переговоры в отношении Римского Статута рассматривались в первую очередь в качестве учреждающих международный орган, тем

<sup>4</sup> Цит. по: Верещетина В.С. Международный Суд ООН на новом этапе // Московский журнал международного права. 2002. № 2 (46). С. 84.

<sup>5</sup> См.: Палеев М. ООН создает Международный уголовный суд // Российская юстиция. 1997. № 1; Полунин Д. Создается Международный уголовный суд // Компас. 1998. № 29 и др.

не менее они содержали элементы кодификации и прогрессивного развития международного права, что подтверждается, в частности, прогрессом, который был достигнут в определении преступлений против человечности (ст. 7)<sup>6</sup>.

Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений (ст. 5):

- преступления геноцида;
- преступления против человечности;
- военные преступления;
- преступление агрессии.

Объединение в Статуте МУС подобных норм является весьма прогрессивным явлением. Так, этот документ – первый универсальный договор, в котором содержится определение преступлений против человечности. При разработке Статута государства исходили из современного понимания этой категории преступлений, поэтому не включили в ст. 7 Статута норму об обязательной связи преступлений против человечности с вооруженным конфликтом, как это предусмотрено в тексте Устава Трибунала по бывшей Югославии (ст. 5 Устава). Данная новелла в международном праве появилась в Уставе Трибунала по Руанде, однако свое дальнейшее развитие получила именно в Римском Статуте, где помимо перечисления конкретных составов преступлений против человечности содержится обширный понятийный аппарат, который при этом используется.

В части преступлений геноцида положения Статута о том, какие действия понимаются под геноцидом, полностью идентичны положениям Устава Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, которые, в свою очередь, восприняли их из Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года.

Статут содержит развернутый перечень деяний, которые квалифицируются в качестве военных преступлений. Примечательно, что помимо ответственности за нарушение норм МГП в ходе международного вооруженного конфликта Статут на универсальном уровне установил ответственность за серьезные нарушения ст. 3, общей для всех

---

<sup>6</sup> Рольф Эйнар Фифе. Международный уголовный суд. Откуда он пришел и куда идет // Московский журнал международного права. 2001. № 1 (41). С. 83.

<sup>7</sup> Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 114.

ЖК, совершенные в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, что можно рассматривать как договорное закрепление сложившихся обычных норм международного права. Данная норма впервые появилась в Уставе Трибунала по Руанде. В связи с этим можно сказать, что МУТ по Руанде – это первый шаг в организации преследования за нарушения права немеждународных вооруженных конфликтов. МУТ по бывшей Югославии в своей деятельности столкнулся с определенными проблемами из-за отсутствия подобных норм. В действительности, на территории Югославии имели место внутренние и международные конфликты. Так, например, в автономном крае Косово – внутренний конфликт. Военные действия между боснийскими хорватами и мусульманами против боснийских сербов составляли внутренний конфликт, тогда как военные действия между ними и югославской армией до ее ухода весной 1992 г. – международный конфликт<sup>7</sup>. Данная ситуация позволила первому обвиняемому в рамках Трибунала Душко Тадичу сделать заявление, что юрисдикция Трибунала ограничена международным вооруженным конфликтом, а конфликт, в котором он участвовал и в связи с которым ему предъявлены обвинения, не является международным. Апелляционная камера рассмотрела вопрос о юрисдикции и определила, что «отсутствие связи между преступлениями против человечности и международным вооруженным конфликтом является в настоящее время установленной нормой обычного международного права»<sup>8</sup>. Камера отметила также, что начиная с 30-х гг. происходило постепенное исчезновение различий между нормами обычного международного права, регулируемыми международными вооруженными конфликтами, и обычными нормами, регулирующими внутренние конфликты.

Большое значение имеет распространение юрисдикции МУС на самое тяжкое международное преступление – агрессию. Оценить юридическую силу этого положения невозможно, поскольку официального определения агрессии до сих пор нет, а то, что содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 от 14 декабря 1974 г., не имеет обязательной силы. И сам Статут в ч. 2 ст. 5 предусматривает, что Суд будет осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со ст. 121 и 123

<sup>8</sup> Цит. по: Томас Градицкий. Личная уголовная ответственность за нарушение МГП, применяемого в ситуации немеждународного вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. 1998. № 20. С. 38.

положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, при которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Возникает вопрос о разграничении в будущем компетенции МУС и СБ ООН в отношении преступления агрессии. Представляется, что здесь никаких противоречий возникнуть не может, поскольку судебные функции Суда и СБ ООН различны. В первом случае речь идет об осуществлении правосудия, определении наказания индивидам, совершившим преступление агрессии. Во втором – о принятии мер по устранению угрозы или по восстановлению международного мира и безопасности (гл. VII Устава ООН). При этом важным является положение, выработанное наукой и практикой международного права, согласно которому государство не освобождается от ответственности за международно-противоправное деяние в результате преследования и наказания должностных лиц, совершивших противоправное деяние. Эта обычная норма воспроизведена в Статуте МУС (ч. 4 ст. 25). Таким образом, индивидуальная ответственность отличается от ответственности государства, которая в случае преступления агрессии является безусловной<sup>9</sup>, и МУС будет привлекать к ответственности именно виновных лиц, принимавших участие в актах агрессии, а не государства.

Статут распространил компетенцию Суда не только на международные преступления, но и на преступления, которые характерны для национального права государств – это т.н. преступления против отправления правосудия. Уставы трибуналов подобных статей не содержат.

По структуре и организации деятельности главное отличие МУС от Трибуналов *ad hoc* заключается в следующем: Трибуналы являются вспомогательными органами ООН, чем объясняется практически полная идентичность их Уставов, а МУС – это самостоятельная международная межправительственная организация со специальной компетенцией, что во многом определяет ее специфику. Трибуналы состоят из камер, включающих две Судебные камеры и Апелляционную камеру, Обвинителя, Секретариата, обслуживающего как камеры, так и Обвинителя. При этом Апелляционная камера и Обвинитель являются общими для двух трибуналов, что обусловило появление определенных проблем. Так, еще во время принятия в СБ ООН резолюции 955 о создании МУТР Руанда проголосовала против, и в качестве одной

<sup>9</sup> См.: Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 72.

из причин подобного решения было заявлено несогласие с тем положением, что Апелляционная камера и Обвинитель являются общими для Трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, так как это может отрицательно сказаться на эффективности Трибунала и, как жестко выразился посол Бакурамутса, послужит только тому, чтобы «лишь успокоить совесть международного сообщества»<sup>10</sup>. В противовес этой точке зрения существует и другая: что единые органы позволили обеспечить определенное единство компетенции этих двух судебных органов и уменьшить их расходы<sup>11</sup>. А то, что содержание Трибуналов ad hoc требует больших расходов, подтверждает тот факт, что один только Трибунал по бывшей Югославии имеет бюджет и численность сотрудников на порядок больше, чем Международный Суд ООН<sup>12</sup>. Поэтому, исходя в том числе и из этих соображений, Комиссия экспертов по Руанде предложила расширить юрисдикцию Трибунала по бывшей Югославии, включив в нее преступления, совершенные в Руанде, а не создавать новое судебное учреждение. Однако это вызвало опасения, что таким образом исчезнет различие между постоянным судом и механизмом ad hoc. И, чтобы не создавать прецедент по распространению Советом Безопасности юрисдикции органа ad hoc на совершенно новую ситуацию, было принято решение о создании отдельного органа<sup>13</sup>. Представляется, что создание постоянного МУС поможет решить эти проблемы.

Римский Статут в ст. 34 называет следующие органы МУС: Президиум, Апелляционное отделение, Судебное отделение и Отделение предварительного производства, Канцелярия Прокурора, Секретариат. Отдельно Статут (ч. 11) содержит нормы, регулирующие создание и деятельность Ассамблеи государств-участников. В науке возникает целесообразный вопрос: является ли Ассамблея государств-участников органом МУС<sup>14</sup>. Формально ответ должен быть отрицательным, потому что Ассамблея не включена в перечень органов, указанных в ст. 34 Статута.

<sup>10</sup> Оливье Дюбуа. Национальные уголовные суды Руанды и Международный трибунал // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 19. С. 833.

<sup>11</sup> Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 568.

<sup>12</sup> См.: Верешетин В.С. Международный Суд ООН на новом этапе // Московский журнал международного права. 2002. № 2 (46). С. 83.

<sup>13</sup> Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 128.

<sup>14</sup> См.: Саша Рольф Людер. Правовой характер Международного уголовного суда и возникновение наднациональных элементов в международной уголовной юстиции // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. Дискуссия по гуманитарным вопросам: право, политика, деятельность. М.: МККК, 2003. С. 36-39.

С этой точки зрения Ассамблея представляет собой орган *sui generis*, возникший на основе договора. Однако если исходить из того, что Ассамблея государств-участников является прежде всего законодательным и исполнительным органом МУС (в соответствии с ч. 11 Статута), без которого функционирование Суда как полноценной межправительственной организации невозможно, то необходимо признать Ассамблею органом Суда. Тем более, как справедливо отмечается в науке, придание законодательной функции органу, который четко отделен от судебного компонента, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с трибуналами *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде<sup>15</sup>. Таким образом, если рассматривать структуру МУС в широком смысле, то в его рамках можно выделить административные органы (Ассамблея государств-участников, Секретариат, Бюро как орган Ассамблеи), которые сближают ее с другими международными организациями, и непосредственно органы расследования и суда, наличие которых позволяет говорить о том, что это орган международной уголовной юстиции. В связи с тем, что МУС является международной межправительственной организацией, он является субъектом международного права и соответственно обладает правом на заключение международных договоров, на поддержание дипломатических отношений с другими субъектами международного права, а также, помимо того, что он представляет собой механизм по привлечению виновных лиц к международной уголовной ответственности, сам может выступать в качестве субъекта международной ответственности.

В отношении процедурных вопросов (процессуальных правил) важно сказать, что процессы в трибуналах *ad hoc*, так же как и их структуры, практически полностью идентичны друг другу. Выделяют три фазы процедуры трибуналов: предварительное следствие и изучение дела; выдвижение обвинений; судебный процесс. Эти же фазы можно выделять и в процедуре работы МУС, но и в этих положениях Статут отличается гораздо большей регламентированностью. Следует сказать, что такое развитие процессуальных правил в международных судебных учреждениях позволяет на сегодняшний день говорить о становлении международного процессуального права в качестве самостоятельной отрасли международного публичного права.

Что касается мер наказания, то здесь можно отметить следующее: уставы двух Трибуналов предусматривают только меры наказания, связанные с лишением свободы и возвращением законным владель-

<sup>15</sup> Там же. С. 39.



цам всего имущества, которым незаконно завладело осужденное лицо. Причем сроки тюремного заключения не указаны, оговаривается только, что Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах Югославии и соответственно Руанды. Если с МУТ по бывшей Югославии особых проблем, касающихся этого вопроса, не возникло, то о МУТ по Руанде подобного сказать нельзя. Так, еще при принятии резолюции 955 СБ ООН Руанда твердо заявила свой протест в связи с отсутствием смертной казни в перечне наказаний, в то время как в руандийском уголовном кодексе она по-прежнему предусмотрена<sup>16</sup>. Это дало возможность для появления в науке мнения, что исключение из списка наказаний смертной казни относительно приемлемо в случае бывшей Югославии, но вряд ли соответствует ситуации в Руанде и «представляет собой наглядный пример навязывания западных ценностей другой цивилизации»<sup>17</sup>. Представляется, что это замечание было бы уместно, если западные государства оказывали бы реальное давление на национальные суды Руанды и порядок вынесения ими решений, и мало того, что не учитывая правовых традиций региона, развития общества, ситуации в государстве, так еще и нарушая тем самым суверенитет этого государства. А в данной ситуации мы о подобном говорить не можем, так как Правительство Руанды само обратилось за помощью в ООН, где эти «западные ценности» прямо провозглашены в Уставе и иных актах. Тем более совершенно невозможно предположить, чтобы орган ООН стал применять смертную казнь, в то время как сама организация повсеместно борется за ее отмену.

Применимые меры наказания в МУС регламентируются положениями ст. 77 Статута. Так, лица, признанные виновными в совершении преступления, подлежат наказанию в виде лишения свободы на определенный срок, который не превышает максимального в 30 лет или соответствует пожизненному лишению свободы в тех случаях, когда это определено исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении. Помимо лишения свободы МУС может назначить штраф, а также конфискацию доходов, имущества и активов, получен-

---

<sup>16</sup> Оливье Дюбуа. Национальные уголовные суды Руанды и Международный трибунал // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 19. С. 834.

<sup>17</sup> Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 130.

ных прямо или косвенно в результате преступления. Следует отметить, что положения Статута в части назначения меры наказания в виде лишения свободы не содержат конкретных сроков (хотя национальные кодексы государств это предусматривают). Представляется, что Суд в процессе своей деятельности создаст прецедентное право, которое и будет впоследствии использовать в качестве основы при рассмотрении вопроса о сроках наказания. Тем более что Статут в ст. 21 установил, что Суд может применять, если это возможно, общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая соответственно национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления, при условии, что эти принципы не являются несовместимыми со Статутом, международным правом и международно-признанными нормами и стандартами. Ввиду отсутствия таких норм в Уставе МУТ по бывшей Югославии судьи Трибунала в решениях по юрисдикции Трибунала часто опираются на законодательную практику государств, подготовительные документы международных конференций, решения органов международных организаций. Преимущества этого подхода на современном этапе развития международного уголовного права очевидны. Однако, как справедливо отмечается в науке, международные суды, сталкиваясь с пробелами в кодифицированных источниках международного уголовного права, должны придерживаться четких критериев, позволяющих обнаружить в несистематизированном правовом материале истинные международно-правовые нормы, разграничивая их с международными обычаями, не носящими обязательного характера<sup>18</sup>.

Статут МУС подробнеем образом регулирует вопросы международного сотрудничества и судебной помощи в ч. 9, которая содержит 17 статей. Устанавливается, что государства-участники обязаны всемерно сотрудничать с Судом в проведении им расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и осуществлении уголовного преследования за эти преступления. Статут предусматривает такие формы сотрудничества, как передача лиц Суду, идентификация и установление места нахождения лиц или предметов, получение и сбор доказательств, допрос любого лица и др. Уставы двух Три-

---

<sup>18</sup> Асатур А.А. Развитие международного уголовного права и деятельность международных уголовных судов // Московский журнал международного права, 2000. №2. С. 282.

буналов имеют только по одной статье, регламентирующей сотрудничество и судебную помощь. Она устанавливает, что государства сотрудничают с Международным трибуналом в вопросах расследования и судебного преследования лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений МГП.

Необходимо отметить, что исполнение просьб и приказов Трибунала по бывшей Югославии обусловило появление определенных проблем, поскольку на национальном уровне потребовалось принятие во многих государствах законодательных актов, регулирующих эти вопросы. Так, Германия стала первым государством, в котором возникла эта проблема. 8 ноября 1994 г. Трибунал по бывшей Югославии направил просьбу о передаче дела в отношении Душко Тадича ему на рассмотрение, которую Германия не могла выполнить из-за противоречия с национальным законодательством<sup>19</sup>. С целью выполнения своих международных обязательств более 20 государств приняли соответствующее законодательство, среди них Австралия, Австрия, Бельгия, Дания, Италия, Нидерланды, Великобритания, США и др. Некоторые государства официально заявили, что оказание всей необходимой помощи возможно в рамках действующего законодательства (РФ, Сингапур, Венесуэла и др.).

В отношениях с национальными судами никакого приоритета юрисдикции Суда по отношению к юрисдикции национальных судов, а тем более исключительной юрисдикции Суда нет. Уже в преамбуле Статута провозглашается один из основных принципов деятельности Суда – принцип дополняемости (или субсидиарности). Уставы Трибуналов устанавливают параллельную юрисдикцию Международных трибуналов и национальных судов. Юрисдикция Международных трибуналов имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов. На любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал может официально просить национальные суды передать ему производство по делу.

В заключение целесообразно заметить, что данная работа не претендует на полный и всеобъемлющий анализ создания и деятельности двух Трибуналов и МУС. Представляется, что проведенная параллель между этими судебными учреждениями позволит уточнить их правовую природу и сделать вывод об исключительном положении Между-

<sup>19</sup> Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 124.

народного уголовного суда в системе органов международной уголовной юстиции.

Но вернемся к вопросу, который был заявлен в начале работы: чем же являются Трибуналы – альтернативой Международному уголовному суду или временной мерой, предпринимаемой международным сообществом в целях пресечения серьезных нарушений МГП? Можно констатировать, что и тем и другим. Так, государства, осознавая происходившие нарушения международных норм, признали, что некоторые преступления настолько серьезны, что от них страдает все человечество и что оно вправе требовать сурового наказания за них. В условиях отсутствия универсального механизма привлечения к ответственности международных уголовных преступников совершить это иначе, кроме как созданием Трибуналов, не представлялось возможным, и в этом смысле они, безусловно, международное учреждение, аналогичное по целям и задачам МУС. Даже наличие некоторых недостатков в их Уставах нисколько не умаляет той положительной роли, которую они призваны сыграть. Необходимо признать, что в сложившейся ситуации альтернативы не существовало. Принятие универсального договора заняло бы слишком много времени, и международные уголовные преступники могли предпринять все возможные меры, чтобы избежать судебного преследования. Также существовал риск того, что непосредственно имеющие к этому отношение государства откажутся от участия в договоре, чего изначально нельзя было допустить. Ярким доказательством этого утверждения является нежелание некоторых государств, сталкивающихся с вооруженными конфликтами непосредственно на своей территории либо при защите своих государственных интересов, принимать на себя обязательства по Статуту МУС. Первыми среди таких государств можно назвать, США, РФ и Израиль. РФ подписала Статут, но не ратифицировала его, а США в последний день, отведенный для подписания (31.12.2000 г.), подписали Статут, но впоследствии отозвали свою подпись под этим документом. Важно заметить, что и универсальный международный договор не решит всех проблем, стоящих перед мировым сообществом, но уже одно то, что на Римской конференции под Статутом поставили свои подписи 120 государств, свидетельствует в пользу создания МУС как всеобъемлющего универсального механизма по наказанию лиц, виновных в международных преступлениях.

Временный характер Трибуналов проявляется главным образом в том, что они прекращают деятельность после истечения срока действия своих полномочий. Тем не менее они явились значимым историческим этапом в работе по созданию Международного уголовного суда, и в ходе принятия Римского статута учитывались, конечно, положительные и отрицательные моменты в их работе. Представляется, что на сегодняшний день можно уже говорить о складывающейся международной судебной системе, которая строится не на субординации, как национальные судебные системы, а на началах координации, как это свойственно международному публичному праву в целом. Данный вывод обусловлен разнообразием судебных учреждений, которые уже были созданы. Так, помимо трибуналов *ad hoc* по Югославии и Руанде появились: Специальный суд по Сьерра-Леоне, Трибунал по бывшей Демократической Кампучии, Трибунал, учрежденный временной администрацией ООН в Восточном Тиморе. Но необходимо отметить, что в современный период только МУС характеризуется следующими признаками:

- универсальной правовой базой (международный договор);
- широкой компетенцией;
- развернутой структурой, которая характеризует его и как международную организацию, и как судебное учреждение;
- детальной регламентированностью процедурных вопросов;
- обеспечением максимальных судебных гарантий;
- подробным регулированием международного сотрудничества и судебной помощи между Судом и государствами;
- наличием субсидиарного (дополнительного) характера деятельности по отношению к национальным судам.

Таким образом, МУС – это новый этап в развитии международной уголовной юстиции, его опыт будет использован и при совершенствовании и реформировании других судебных органов, в частности судов различной юрисдикции РФ.